

Кто продолжит традицию?

Художник и время

В ряду общечеловеческих духовных ценностей особое место принадлежит балету, и в первую очередь русскому, советскому. Его приоритет признаки в мире и неоспорим, наш балет на протяжении многих десяти-

тий является образцом одухотворенного слышания прекрасной музыки и не менее блистательной хореографии, источником вдохновения для композиторов и исполнителей, примером изящества и утонченного вкуса.

Нам повсчастливилось оказаться среди тех, кому довелось танцевать на сцене Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, быть участницами и первыми исполнительницами в ряде спектаклей, отнесенных в золотой фонд советской классики. Одухотворенные идеями становления и развития нового общества, такие постановки отражали в себе и огромный опыт замечательных традиций отечественной культуры.

«Шелкунчик», «Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Ромео и Джульетта», «Лауренсия», «Золушка», «Медный всадник» — вот неполный перечень спектаклей, которые завоевали признание и восхищение зрителей. Нашу эстафету приняло новое поколение хореографов и исполнителей. На сцене театра родились «Шурале», «Каменный цветок», «Спартак», «Легенда о любви», «Ленинградская симфония», «Берег Надежды». При всем многообразии авторских почерков адрес сцены был всегда узнаваем своей коренной связью с традицией.

Бесспорно, на театральной сцене и в балете тоже не может и не должно быть навешан канонизированных хореографических решений. Творческий поиск нужен, чтобы обогащать искусство. Но именно обогащать, а не обеднять его, подменяя, как это иногда бывает, подлинные ценности суррогатом.

С начала семидесятых годов один за другим появляются на сцене театра спектакли, где идейно-эстетическое содержание даст крен в сторону приобщения к старым и новым веяниям и творчестве западных хореографов.

Новые постановки существенно потеснили в репертуаре шедевры русской и советской классики, а часть из них в вовсе исчезла с афиши. Даже «Жизель» в редакции всякого М. Петина, спектакль «душой исполненного

полета», вдруг стал подготавливаться под характерный для зарубежной сцены стереотип. В новой редакции «Жизели» оказалось в результате утрачено то, что было накоплено многими поколениями выдающихся русских и советских артистов, и прежде всего — неповторимый исполнительский стиль. Задушевность, лиризм и глубина уступили место вычурной манерности. Заместованные атрибуты мистики, педалирование эффектов машинерии, игра «на публику» превратились в спектакль, разрушающий его благородство. Больше ударило «обновление» и по несравненному Кировскому кордебалету: исчезло волшебство и таинство его дыхания, прозрачная стройность певучих линий, вдохновенная образная наполненность. Их подменили механистичность и холодная прямолинейность муштры. Критика, надо сказать, не обошла вниманием перемены в эстетике театра. Однако выстуления в печати по этому поводу, похоже, лишь стимулировали тягу руководства балета к «осовремениванию» репертуара. Новое оформление «Лебединого озера» равно как и модернизация исполнительского стиля, приближали прославленный на весь свет Ленинградский спектакль к черте «мировых стандартов».

Противоположная образность этого спектакля — аталона русской классики — сегодня начинает отходить в область легенд. Мужской полетный танец, сформировавшийся главным образом в советский период в творчестве А. Ермолаева, В. Чабукяна, К. Сергеева и их преемников, ныне сориентирован на подражание стилю некоторых женоподобных западных танцовщиков. Может, так и нужно? Думаем, нет. Нам кажется, можно придерживаться общепринятых в мире силуэтов одежды и автомобилей, но изменять тому, что самобытно, непреходяще, является национальным достоянием, нам не пристало. Тем не менее тен-

денция наблюдается именно такая. Многогранная газета театра «За советское искусство» недавно поведала читателям: к переделке намечен и другой шедевр — «Спящая красавица», гостя на сцене и без того теперь довольно редкая. Замечательный образец классического ансамбля М. Петина в редакции А. Вагановой, украшение и праздник сцены — балет «Шахата» в новой редакции, якобы «приближенной к оригиналу», сегодня являет собой парад безвкусицы, зашитушек и вычурной помпезности, вызывает чувство обиды за утраченную красоту.

Три года назад к юбилею театра на его сцене поставили балет «Ретро» под названием «Времена промчавшихся заветы, или Бенефис балета». Во всем блеске плюшевой мишуры перед зрителями прошла вереница картин, по мнению постановщика, отражающих историю балета. Ревию закончилось своеобразным «парадом-алле». Смотришь это представление и чувствуешь — исполнителям, несмотря на бойкие финальные пробежки и нарочито радостное возбуждение, как-то неловко находиться на сцене.

Не порадовала зрителя, ничем новым не обогатила его и премьера «Ревизора». Самобытность характеров в спектакле вдруг предстала в виде штампа или маски в среде марionеток, подмывавших героев бессмертной гоголевской комедии. Шедевр классики превратился в анекдот, где кривляние актера, только бы извлечь смехок в зале, по поводу и без повода, очевидно, стало самоцелью.

Помним, какой восторг среди театральной общественности вызвало обращение коллектива к поэме Ш. Руствеле «Витязь в тигровой шкуре». Вот, думалось, благодатное поле для художника! Какая глубина и высота поэтических образов в литературном первоисточнике!

Естественно, что каждый автор вправе выбирать те средства выражения, которые, по его мнению, создадут свой неповторимый, но узнаваемый мир поэмы. При всем том временное правило — зритель вправе звать, что происходит на сцене, и если не соперничать, то по крайней мере — иметь возможность отличать добро от зла, свет от тьмы, любовь от ненависти. В спектакле эта задача представлялась трудноразрешимым ребусом. Малоубедителен и стилизованный выбор пластических средств, а отсутствие образности делает непонятным, зачем исполнитель вдруг решается на сложный, вылажробатический трюк, вылаженный из конкурсного арсенала? Адажио солистов в подражательной М. Бежару пластике вызывает чувство досады за тех, кто на прославленной классическими постановками сцене должен жертвовать изяществом одухотворенного танца несвойственному традиции театра модерну.

А что же с образным осмыслением проблематики поэмы и динамикой драматургического развития в спектакле? Они остались вне сцены, лишь в замыслах постановщика. Посему и судить о них невозможно.

Не могла не привлечь к себе внимания масштабностью избранной темы, желанием отразить в хореографии героики революции и последняя работа театра — балет «Броненосец «Потемкин». Душа ждала и жаждала чуда. А в итоге — общая приземленность повествования и натягив, разочарование и уныние, слова чувств неловкости за прославленный коллектив.

...В краткой рецензии искусствоведа М. Вяжика в «Правде» постановка отнесена отнюдь не к числу достижений театра. Можно соглашаться с оценками автора, можно ему и возразить. Ведь его мнение не есть истина в последней инстанции. Главное, думается, из критических замечаний уметь извлечь рациональное зерно, озаботиться улучшением дела. А в театре встретишь отчаяние, страсти, кахки, к сожалению, ныне недостает на сцене. И это, как нам кажется, очень тревожно. Столь болезненная реакция свиде-

тельствует о серьезном недуге в труппе, о нездоровом нравственном климате, противопоставленном истинному творчеству.

За последнее десятилетие не однажды и в положительных рецензиях в постановки звучали интонации опасений за судьбу балета Кировского театра. Буквально на днях их высказала в газете «Советская культура» народная артистка СССР И. Колпакова, которая видит выход из создавшейся ситуации в подеме профессиональной культуры артистов, балетмейстеров, всех работников хореографической школы. Но обоснованные предостережения остаются глазом вопиющего в пустыне. Так называемый «новый хореографический язык» востойчиво принимается на прославленной сцене.

Мы не против экспериментов, нет. Искать и пробовать надо. Но не на основной, а на малой сцене, которая имеется в театре. И только убедившись, что постановка состоялась, получалась талантливой и способной послужить приумножению славы коллектива, переносить ее на главную сцену.

Что ждет молодое поколение исполнителей при вынесенной репертуарной политике театра? Чему и как ему учиться, если даже репертуарный состав балета в значительной степени случаен?

Надеемся быть правильно понятыми нашими молодыми коллегами по сцене прославленного театра — не ревность к их известности, не свойственная подчас людям старшего возраста склонность к поучениям говорит в нас. Эти заметки продиктованы заботой о чести сцены, принадлежностью к которой дорожим и ныне, желанием помочь упрочить славу Ленинградского балета. Талантливому коллективу это вполне по силам. А ключ к успеху один — бережное отношение к традициям русской хореографической школы, их развитие и обогащение на основе национальной самобытности.

Т. ВЕЧЕСЛОВА,
Заслуженный деятель
искусств РСФСР.

А. ОСИПЕНКО.
Народная артистка РСФСР.
г. Ленинград.